

Вижу, вижу спозаранку
Устремленные в Неву
И Обводный, и Фонтанку,
И похожую на склянку
Речку Кронверку во рву.
И каналов без уздечки
Вижу утреннюю пруть,
Их названья на дощечке,
И смертельной Черной речки
Ускользящую нить.
Слышу, слышу вздох неловкий,
Плач по жизни прожитой,
Вижу Екатерингофки
Блики, отблески, подковки,
Жирный отсвет нефтяной.
Вижу серого оттенка
Мойку, женщину и зонт,
Крюков, лезущий на стенку,
Пряжку, Карповку, Смоленку,
Стикс, Коцит и Ахеронт.

В этом стихотворении, написанном 50 лет назад, увидена не только Нева, воспетая на все лады петербургскими поэтами до меня, но и множество других рек, на которых стоит город, да еще в конце к ним добавлены три загробные реки из античной мифологии, напоминающие не только о прекрасной, но и трагической истории города, с его наводнениями, восстанием декабристов, дуэлью Пушкина на Черной речке, революциями, репрессиями, блокадой.

Этот город любим нами с детства — и вот мой совет родителям: неважно, живете вы в центре или на окраине, в Удельной

или Купчино, почаще вместе с детьми, всей семьей приезжайте на Неву, на Невский проспект, на Дворцовую площадь, к Михайловскому замку, Медному всаднику. И приводите их в Эрмитаж, Русский музей, Исаакиевский собор, Летний сад, в Царское Село, Павловск и Петергоф. Город лучше любого учителя воспитывает, просвещает, формирует характер и душу вашего ребенка. Человек, любящий поэзию, живопись, архитектуру, счастливей того, кто обходится без них. В «минуту жизни трудную» они помогут ему, придут к нему на помощь. Придется мне привести еще одно свое стихотворение, в котором обо всем этом сказано, сказано в стихах, а это у меня получается лучше и убедительнее, чем в прозе:

Как клен и рябина растут у порога,
Росли у порога Растрелли и Росси,
И мы отличали ампи́р от барокко,
Как вы в этом возрасте ели от сосен.
Ну что же, что в ложноклассическом стиле
Есть нечто смешное, что в тоге, в тумане
Сгустившемся, глядя на автомобили,
Стоит в простыне полководец, как в бане?
А мы принимаем условность как данность.
Во-первых, привычка. И нам объяснили
В младенчестве эту веселую странность,
Когда нас за ручку сюда приводили.
И эти могучие медные складки,
Прилипшие к телу, простите, к мундиру,
В таком безупречном ложатся порядке,
Что в детстве внушают доверие к миру,
Стремление к славе. С каких бы мы точек

Ни стали смотреть, — все равно загляденье.
Особенно если кружится листочек
И осень, как знамя, стоит в отдалении.

В прошлом году в издательстве «Арка» у меня вышла книга стихов «Меж Фонтанкой и Мойкой», посвященная любимому городу. Я и сам до ее выхода не представлял, как много стихов у меня о Петербурге. И они разные, и в каждом так или иначе отразилось время, в которое они написаны, и моя жизнь, не отделяемая от города. Никогда не говорил себе: напишу-ка еще одно стихотворение о нем, — он сам, не спрашивая моего разрешения, не забываясь о моем желании, входит в стихи. Некоторые мои друзья в советское время покинули город, переехали в Москву, поближе к успеху и славе, или за границу. Человек свободен в своем выборе, у каждого на такой переезд были свои причины и основания. И я радовался их успеху, их удачам, назову хотя бы Бродского, чей отъезд был вынужден, ведь его здесь не печатали. И при этом я знаю, как они тосковали по Ленинграду-Петербургу, как нелегко далась им пересадка на другую почву. И тот же Бродский перед отъездом на Запад сделал мне такую надпись на печатном оттиске своих стихов, вышедшем за границей: «Дорогому Александру от симпатичного Иосифа в хорошем месте, в нехорошее время». «В хорошем месте». Но и время не стояло на месте, менялось, а в середине 1980-х изменилось неузнаваемо. В советское время меня за границу не

выпускали, я был «невыездным». И в стихах писал:

И в следующий раз я жить хочу в России.
Но будет век другой и времена другие,
Париж увижу я, смогу увидеть Рим
И к невым берегам вернуться дорогим.

Так и произошло, так и случилось. Стихи знают о жизни и будущем лучше нас, и кажется, что не мы их пишем, а кто-то нам их нашептывает, пишем под таинственную диктовку. Вот я и увидел и Рим, и Париж, и Лондон, и Амстердам, и Мадрид... и Венецию. Венецию, о которой так мечтал, которую так любил и в живописи (Беллини, Карпаччо, Каналетто, Тернер, Валентин Серов), и в кино. В ней я чувствую себя почти как дома, на Большом канале почти как на Неве, на канале Каннареджо почти как на Мойке. Чем закончить мне это признание в любви к Петербургу? Разумеется, стихотворением, выберу одно из самых последних:

Три раза имя он менял.
Не он менял, ему меняли.
Когда б Париж так пострадал
Иль Рим, то выжили бедва ли.
Блестит Нева, как тронный зал,
Толпятся чайки на причале.
Столицу северную жаль.
Смотрю на бывшую столицу:
Как будто вынесли роаяль,
Как будто вырвали страницу.
Но как идет ему печаль,
Какое счастье в нем родиться!

